

Не для этой жизни

Общая смета. - 2000,
- 25-31 мая. - с. 10

Спрос на Патрисию Каас появится со средним классом

ПАТРИСИЯ Каас очаровала российскую публику своими клипами, где юная блондинка лихо садилась на мотоцикл и лениво натягивала черные чулки. Ее хрипловатый голос был далек от мальчишеской прямоты Мирей Матье и мягкой мечтательности Далиды. В этой девчонке с глазами рыси угадывалась роковая женщина, для которой любовь — открытая книга. Знаменитые хиты «Ауфвидерзейн» и «Мой парень» с явным кафе-шантанном привкусом напоминали легендарную Марлен Дитрих. В образе великолепной француженки зрители эпохи перестройки видели европейский шик и отсутствие комплексов. Казалось, еще немного, и на наши улицы выпорхнут такие же независимые женщины, характером похожие на Кармен, а внешностью и манерами — на фавориток французских королей.

В первый приезд Патрисии Каас в Москву на стадионе «Олимпийский» невозможно было про-

тиснуться сквозь толпу фанатов, а теперь единственный концерт в Кремле прошел вполне спокойно — желающих только-только хватило, чтобы заполнить зал и сохранить приличия: никакого ажиотажа не наблюдалось. Консерваторы и ретрограды предлагают свое нехитрое объяснение: «Ах, все эти нынешние бабочки-однодневки! Не успеет показаться на горизонте одна, как уж ей на смену спешит другая», — такой приговор сегодняшней поп-культуре звучит как упрек «поколению пепси». И вывод об ущербности таланта этих новоявленных певцов и певичек уже носится в воздухе. Ностальгически вспоминаются последние из могикан — Леонид Утесов, Клавдия Шульженко — ими заслушивались десятилетиями. И эпоха Пугачевой тоже как будто недалеко.

Вполне понятно, что если тридцать лет ходить на первомайскую демонстрацию и повязывать синий платочек, то никого кроме Шульженко слушать не захочется, по-

скольку ее стоический оптимизм с прищуром в пятидесятые годы так же необходим, как и в тридцатые. А если двадцать лет отоваривать талоны на колбасу и на всю зарплату покупать австрийские сапоги, то все двадцать лет грезы о «маэстро» и «миллионе алых роз» будут желанной наградой победительнице. Кумир усталых домохозяек, Алла Пугачева через всю эпоху застоя пронесла имидж «сильной женщины», мечтающей о счастье и готовой посадить себе на плечо непутевого, но родного «сизокрылого голубя». Стабильное общество рождало стабильных кумиров.

Верна себе и Патрисия Каас. В середине девяностых она даже несколько усилила черты пожирательницы сердец, которая может теперь мурлыкать и нежиться на диване. Ее альбом 97-го года так и называется «В моем кресле», где она тихо воркует, ожидая его, единственного. Но, вероятно, идиллия показалась ей скучновата, и она решила, что вечный поиск и тоска по идеалу больше к лицу неотразимой чаровнице. На московском концерте публика вновь увидела прежнюю Патрисию Каас, коротко подстриженную сирену, одетую в молодежный топ и черные брюки клеш. Она была как дива для знатока, которая шепчет и стонет, призывно изгибаясь, но сохраняет невинный взгляд гимназистки. Подросшая Лолита, не подчеркивая своей привлекательности, показывала москвичам, что такое непринужденная пластика эстрадной танцовщицы и мастерское владение техникой микрофонного пения. Зал был в восторге. Мужчины с удовольствием оценили настоящее очарование француженки, а женщины увидели готовый идеал, точку отсчета. Все получили то, за чем пришли. «Она — символ настоящей современной женщины: нежная, романтическая и при этом независимая, в ней сочетается скромность и необыкновенная притягательность», — таково было общее мнение.

Так не за этим ли идеалом спешили россияне в начале ельцинской эпохи, когда в каждой парикмахерской крутили Патрисию Ка-

ас? Но, похоже, времена изменились, и в постельщинской России идеал раскрепощенной европейской женщины, знающей себе цену, больше не востребован. Публика на улице, не пошедшая на концерт, признавалась в былой слабости к певичке. «Да, нравится, очень приятная артистка, и голос хороший, можно иногда послушать». Далее шло неизбежное уточнение: «Нет, все-таки это не мое...» Всеобщее увлечение французским шармом и шиком оказалось слишком кратким, и любовь россиян к Патрисии Каас испарилась так же скоро, как запахи легких французских духов.

Кому же остались по-прежнему дороги ее чары, замешенные на музыке кафе-шантана и пластике ресторанных танцовщиц? Похоже, нашим немногочисленным ценителям из нарождающегося среднего класса, чей вкус тяготеет к буржуазной респектабельности: Патрисия Каас прекрасно сочеталась бы с атмосферой элитного клуба, где потягивают дорогой коньяк, курят сигары и, делая ставки, поглядывают на поющую красотку на сцене. Блиц-опрос показал, что именно к этому сословию принадлежали пришедшие на концерт — служащие солидных банков, промышленных компаний, бизнесмены, ориентированные на западные ценности. Они уже не видят идеал в ноющих обманутых женщинах и дворовых бандитках, заполонивших российскую эстраду. Им, как и буржуазии во все времена, надо «сделать красиво» и слегка пощекотать нервы эротикой хорошего вкуса. Но, увы, оазис буржуазного благополучия в нашем обществе все еще слишком мал, чтобы стабильно поставлять слушателей дивам из дорогого кабаре. Как только на концерты Патрисии Каас поднимется спрос, можно будет считать, что экономический рост налицо и буржуазный жирок уже появился. А пока, глядя на талантливую певицу для благополучной публики, остается вспомнить известную российскую поговорку: «Хороша Маша, да не наша».

Дина КИРНАРСКАЯ



www.patricia-kaas.net